

Mezi lingvistickými příspěvky bych ještě vyzvedl studii N. Kiseljovové o metodologii areálového zkoumání slovanských jazyků: je to metoda, která se modifikovaně uplatňuje i šíře v celé oblasti filologie. Škoda, že editoři neopatřili svazek ISBN a vzdali se klasických korektur textu – autorských i editorských.

Diskusní řád příspěvků a jejich provokativnost byla podle mého soudu tím nejlepším začátkem nové tradice BraSlav: nový ročník již bude tematicky koncentrovaný.

Ivo Pospíšil

ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ О В. ВЫСОЦКОМ У НАС

Helena Filipová: *Владимир Высоцкий: Путь од барда к поэту.* Masarykova univerzita v Brně, Brno 2002, 199 s.

Почти четверть века прошло со дня смерти Владимира Высоцкого. За это время личность и творческая судьба поэта стали легендарными. И у нас, в Чешской Республике, не говоря уж о России, наверно, не найдется человека, которому бы имя Высоцкого не было знакомо, который бы не слышал его песни.

Перед исследователями с самого начала встала проблема „вслушивания“ в его пульсирующие тексты, связанная со стремлением по-настоящему осмыслить это удивительное явление – творческий мир Высоцкого. Прошло время эмоциональной мемуаристики, произошло окончательное становление высокоцведения как отрасли филологии. О Высоцком вышли монографии, многочисленные исследования, альманахи. В 2002г. в издательстве Университета им. Масарика в г. Брно вышла и монография чешской русистики Гелены Филиповой о творчестве В. Высоцкого.¹ Название книги симптоматично. Слово „бард“ нередко ассоциируется с несерьезными песенками у костра, вот почему сам Высоцкий не любил и избегал этого слова. Г. Филипова пытается, собственно, реализовать и обосновать тезис, впервые прозвучавший в стихотворении А. Вознесенского: „Не называйте его «бардом», он был поэтом по природе“. Интерес к творчеству Высоцкого проявился у автора монографии еще в студенческие годы. Однако если ее дипломная работа касалась главным образом личности и жанрово-тематического спектра Высоцкого, то в своей диссертационной работе она усложнила и углубила свои цели, сосредоточившись на анализе канонических текстов поэта с точки зрения специфики поэтики его стиха и с учетом чешской рецепции. В чешской среде это по сути первая научная монография, приблизившая творчество Высоцкого не только с переводческой стороны системно-целостного анализа его стихов как самоценных поэтических феноменов.

На наш взгляд, автор исследования слишком расширила методологический и теоретический фундамент своей работы, стремясь рассматривать поэзию Высоцкого в широком контексте развития русского стиха и стихотворения, более того, в конфронтации русского и чешского стихосложения, аргументируя это тем, что адресует свои теоретические пассажи „менее информированному“ чешскому читателю. Не думаем, что, прочитав их, чешский читатель будет более информирован (тем более, если учесть, что книга написана на русском языке). Автор, очевидно, осознает это, предупреждая во введении, что ее „анализ стиховедческих категорий описателен“ (стр.12). В первой части своей работы автор стремится включить поэзию Высоцкого в версологические категории, хотя чаще здесь как раз-таки отмечаются отклонения от нормативных принципов. И хотя в первых главах есть интересные наблюдения относительно поэтического языка Высоцкого, взаимодействия ритмических и семантических компонентов стиха, переплетения поэтического и музыкального ритмов и др., наиболее плодотворной и целесообразной представляется нам 3 глава книги, где автор пытается исследовать все написанные Высоцким как целое, как систему, анализирует жанрово-тематический диапазон его поэзии через призму цикличности. Именно этот аспект дает нам возможность постигнуть жанровое и идейно-стилевое многообразие творчества

Высоцкого и одновременно проследить эволюцию, становление и развитие поэтической системы – от дворовых песен до глубокой рефлексивной лирики. Сама циклизация рас-сматривания здесь как организующий жанрово-семантический принцип и как ключ к пониманию мировосприятия поэта, обращается внимание на доминирующие циклообразующие факторы и средства. Хотя, конечно, автор опирается на исследования в этой области русских и зарубежных ученых, эта часть работы отличается несомненными индивидуальными и оригинальными трактовками (напр. новый подход к философской лирике Высоцкого), полемическим характером (напр. полемика с концепцией Х. Пфандля, ограничивающего исследование поэтики Высоцкого интертекстуальным методом) и критическим подходом к текстам самого поэта.

Книга в целом написана трезвым научным языком без лишних эмоций, которые иногда отмечались в русском высококоведении. Кроме того, нужно отметить грамотный и выразительный русский язык исследования с встречающимися лишь изредка некоторыми семантическими и терминологическими неточностями (напр. выражение „поэтический анализ“ (стр. 15) не тождественно „анализу поэтики“, так же, как не тождественны „похождения“ (стр. 74) и „искания“).

Монография Г. Филиповой, несомненно, привлечет внимание как славистической, так и студенческой и читательской аудитории (добавим, что для расширения этой аудитории было бы рационально издать книгу и на чешском языке). Автору удалось главное – войти в многомерное художественное пространство поэзии Высоцкого и убедительно доказать, что это полноценная поэзия, идущая от лучших образцов поэзии 19 и 20 столетия.

Galina Binová

VÝCHODNÍ SLOVENSKO JAKO TRANZITIVNÍ KULTURNÍ PROSTOR

Peter Žeňuch: *Medzi Východom a Západom. Byzantsko-slovanská tradícia, kultúra a jazyk na východnom Slovensku.* Veda, Bratislava 2002, 286 s.

Pracovník Slavistického kabinetu Slovenské akademie vied P. Žeňuch objavil v této monografii své rodiště – východní Slovensko (a ovšem i Podkarpatskou Rus či Zakarpatskou Ukrajinu) jako tranzitivní kulturní prostor, v němž se střetávají západovýchodní podněty, náboženské denominace a etika a především jejich jazykové a literární projevy. Žeňuchovým tématem jsou osudy byzantsko-slovanské tradice mezi Slavií Latina či Romana a Slavií Orthodoxa či Byzantina na příkladu tzv. paraliturgické písně.

V úvodních partiích vykládá autor v obecné rovině kulturní situaci na uvedeném teritoriu či areálu včetně homogenní bilingvnosti v prostoru Slavia Orthodoxa (církvní slovanština a mluvný domácí slovanský jazyk) a heterogenní bilingvnosti v prostoru Slavia Latina (latina a domácí slovanský mluvený jazyk) s akcentací toho, že v byzantském kódu se užíval takový liturgický jazyk, který byl blízký životu lidu. Liturgická církevní slovanština se vyskytuje v tomto areálu vedle lidového jazyka standardního, který se projevuje i písemně v marginálních nápisech na knihách, ikonách apod. Stejně jako vidí celý areál mezi Východem a Západem, vidí i tzv. paraliturgickou píseň v prostoru mezi sakrálností a profánností. Zatímco starší badatelé dávali vznik písní mimoliturgického charakteru do souvislosti s lidovou tvořivostí, Žeňuch ukazuje na širší a složitější kontexty. Pojem paraliturgické písně pak charakterizuje jako náboženský žánr modlitebního, prosebného nebo historického rázu s náboženským obsahem, jenž však není přímo bohoslužebným zpěvem a na Východě jej nikdy nenahrazuje, i když funguje ve spojení s ním, tj. s obřadem, modlitbami, žalmy a hymny, bibličkou a jinou tradicí; jsou to písně obrácené ke Kristovi, Panně Marii (bohorodičce), písně mající vztah k výročním svátkům, písně chrámu, písně k zázračným ikonám a písně okazionální (prosebné, kající, pohřební apod.), jejichž prvotním posláním je povzbuzovat, poučovat, nabádat, vysvětlovat, poukazovat k Bohu a svatým (s. 15).